

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

СКОРВИД Сергей Сергеевич

СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ДЕСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКЕ XIV-XVI вв. (в общеславянском контексте)

10.02.08 - Славянские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА - 1998

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор А.Г.Нирокова

Официальные оппоненты - доктор филологических наук
И.Ф.Андери;
кандидат филологических наук
И.С.Цалина

Ведущая организация - Ленинградский государственный
университет

Защита диссертации состоится "11" мая 1990 г. на
заседании специализированного совета Д-053.05.14 в Московском
государственном университете им. М.В.Ломоносова.

Адрес: 119899, ГСП, Москва, В-284, Ленинские горы, МГУ,
I-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета.

Автореферат разослан "6" апреля 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
старший научный сотрудник

Е.В.Клобуков

В диссертации на материале древнечешского языка с привлечением данных других древних славянских языков анализируется историческая специфика синтаксического функционирования деоубстантивных прилагательных (далее ДСП), принадлежащих к сфере синтаксической деривации в трактовке Е.Куриловича; или транспозиции в терминологии М.Докулила.

Характером процесса синтаксической деривации, которая означает перевод слова в другую часть речи без изменения лексической семантики, определяется близость подобных образований словоизменению базовой лексики. Другое частеречное включение производящей основы при помощи производного слова здесь служит ее "адаптацией" к другой синтаксической функции аналогично флексиям, что подчеркивал в своей концепции Е.Курилович.

При диахронном исследовании синтаксических особенностей ДСП мы исходим из интерпретации данных образований как переходных к субстантивному словоизменению. Исторически эти дериваты отличала наибольшая близость парадигме базовой лексики по причине крайне последовательно осуществлявшейся замены существительных в атрибутивной позиции при помощи ДСП. Ее регулярность формировала по сути морфологический тип корреспонденции ДСП с базовой лексемой, одновременно создавая предпосылки для проявления у ДСП в противовес признакам своей части речи также ряда частеречных свойств, внутренне присущих существительному.

Центральное положение по отношению к субстантивному словоизменению занимают обособляющиеся от других ДСП т.н. притяжательные прилагательные (далее ПП). К разряду ПП мы относим образования от нарицательных и собственных имен, обозначающих лицо, менее часто также от названий животных, которые служат выражению отношений к единичным индивидам (конкретным или осмысливаемым как произвольные единичные представители своего класса).

Формально категорию ПП в славянских языках отличают особые показатели, в первую очередь суффиксы *-ov-* и *-in-*, на периферии перед которыми отступили еще в древности иные средства словообразования ПП. Характерной приметой ПП предстает в весьма многих языках специфический смешанный тип склонения, в структуре которого сохранены старшие именные формы прежде всего прямых падежей (обоих чисел) и отчасти косвенных падежей (единственного числа).

ПП противопоставлены относительным прилагательным (далее ОП), которые выражают отношения к классам объектов, названных базовой лексемой, без уточнения количества участников отношения, в самом общем плане. В связи с характером своей категориальной семантики ОП в высказывании способны соотноситься и с конкретным единичным денотатом либо конкретным множеством денотатов, и с абстрактным, целостно мыслимым классом, во втором случае обозначая отношение "свойственности", имеющее качественный оттенок, а порой получая и значение чистого качества. Конкретно-денотативные отношения в современных языках посредством ОП выражаются весьма ограниченно, но исторически, напротив, это был стержень всей нагрузки ОП.

Среди ОП прямо противопостоят ПП производные от основ лексически одушевленных существительных (далее ОП_о). Дифференцируясь с ПП, специализирующимися на сигнализации отношений к единичным индивидам, ОП_о выражают главным образом остальные отношения, к конкретным или абстрактным множествам индивидов. Это, впрочем, не значит за собой столь же четкой семантической специализации ОП_о: в случае необходимости они способны нести также значение, свойственное ПП.

В стороне от числовой оппозиции ПП и ОП_о стоят ОП от других, не одушевленных существительных (далее ОП_{н/о}).

Формальную и функционально-семантическую стороны взаимоотношений ПП и ОП со словоизменением базовой лексики в диахронном и в синхронном аспектах рассматривали с разнообразных позиций многие слависты. В работе предпринята попытка примирения разных подходов ученых к такому описанию ДСП и построения его выверенной с учетом всех условий модели. Но на первый план выдвинута задача изучения специфической сочетаемости ДСП с относящимися к существительному зависимыми компонентами в древних славянских языках с целью выяснения причин данного синтаксического явления и интерпретации его последствий для соотношения ДСП - ПП и ОП - с базовой лексемой. В связи с характерным для современных исследований возрождением идеи примарности синтаксических критериев отождествления единиц словоизменения, идеи, которая своими корнями восходит к наследию Ф.Ф.Фортунатова, ориентация работы на решение проблемы системной обусловленности наличия свойств существительных в синтаксисе ДСП на ранней степени развития славянских языков становится особенно значимой и актуальной.

Ракурсом исследования мотивировано использование в диссертации в первую очередь метода структурного анализа. Структурный анализ отношений на отдельных стадиях языковой эволюции ведется с помощью приема синхронных срезов. При интегрирующей же оценке итогов такого анализа в диахронном плане этот метод применяется во взаимодействии со сравнительно-историческим методом.

Материал древнечешского языка, представляющий собой основной объект описания, мы черпали способом сплошной выборки из доступных изданий равновременных и разнообразных в жанровом и стилистическом отношении текстов с XIV по XVI в. общим числом более 30 томов; далее также заимствовали из исследования Я.Гебауэра "Историческая грамматика чешского языка", из двух вышедших томов "Древнечешского словаря" Я.Гебауэра и из продолжающего его "Древнечешского словаря", издаваемого Институтом чешского языка Чехословацкой Академии Наук (кроме готовой части данного словаря мы пользовались и извлечениями из картотеки его авторов).

С материалом древнечешского языка сравниваются данные других древних славянских языков: древнесловацкого, древнепольского, древнерусского, старославянского и церковнославянского; сравнение с древнего состояния направлено к состоянию в современных языках и диалектах. Материалы по языкам, привлекаемым для сравнительного анализа, заимствовались у исследователей, но дополнялись иногда и нашими изысканиями.

Теоретическое значение и новизна исследования состоит в том, что в диссертации уточнены условия конвергенции транспозиционных дериватов с грамматической парадигмой базовой лексики на примере ДСП; конкретизировано отношение отдельных субкатегорий ДСП - ПП, ОПо, ОПи/о - к субстантивному словоизменению; дана интерпретация взаимосвязи семантических показателей параллелизма категории ДСП существительному со спецификой ее синтаксической синтагматики в диахронном плане в соотношении с исторической динамикой славянского синтаксиса.

Базирующееся на материале разных языков решение означенной проблематики может найти практическое применение в преподавании курсов истории славянских языков, а при синхронной ориентации и грамматики славянских языков.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ.

На материале диссертации сделан доклад на междуузловском семинаре по сорабистике во Львовском государственном университете в 1987 г. (тезисы в печати). По принципиальным для проблематики работы вопросам развития синтагматики ДСП (ПП) и исторической эволюции связей в субстантивных сочетаниях опубликованы две статьи.

Диссертация содержит введение, где очерчены круг объектов, задачи, методы и материал исследования, три главы, заключение и библиографический отдел, включающий списки источников и цитируемой литературы.

В первой главе подводятся итоги изучения десубстантивных прилагательных в отношении к парадигматике существительного в славянском языкознании.

Еще слависты XIX в. — Ф.Миклошич, а из отечественных исследователей Ф.И.Буслаев и А.А.Потебня — отмечали давнюю склонность славянских языков избегать выражения определения существительных существительными и предпочтение последним отыменных прилагательных. Констатировалась способность ДСП выражать широчайший спектр реальных отношений, характерных для атрибутивных сочетаний: от конкретных отношений происхождения, наполнения, принадлежности до абстрактных агентивных, объектных, обстоятельственных и др. По интерпретации А.А.Потебни, только при помощи прилагательных названные отношения представлялись собственно атрибутивно, как признак предмета, конкретизирующий его. Напротив, конкретизация самого атрибута препятствовала использованию прилагательного, в первую очередь в случае наличия у определяющего имени своих определителей.

Одновременно Ф.Миклошич и А.А.Потебня исследовали способность ДСП (ПП и в меньшей степени ОПо) на раннем этапе развития славянских языков сочетаться с отнесившимися к существительному компонентами, формируя конструкции типа ст.-сл. и ц.-сл. ВЪ НМА ГОСПОДЪНЕ. СЪТВОРЪШАДО НЕБО И ЗЕМЛЪХ — Супр. 59, 26; ВЪ ДОМОУ СИМОНОВЪ ОУСМАРЪА — Вѣст 10, 32; ДОНО АВРААМОВО ПАТРНАРХОВО — HomMin 186. А.А.Потебня мотивировал субстантивную сочетаемость ПП и ОПо исторической конкретностью семантики славянских ДСП, не считая ее, однако, овидетельством синтаксического отождествления ДСП с базовой лексемой. Утрата же данного явления представлялась исследователю вызванной исчезновением предметности семантики ДСП (ее окончательной "адъективизацией" как для Сп, так и для Пп).

В ХХ в. с позиций структурного анализа оказалось возможным оценивать отношение ДСП, особенно III, к существительному иначе, чем только как функционально-семантическую соотносительность.

Н.С.Трубецкой в своей статье "О притяжательных прилагательных (possessiva) старосербо-славянского языка" (1987) высказал предположение о принадлежности категории III парадигме лексически одушевленных существительных. Н.С.Трубецкой исходил из следующих оснований:

а) из обязательного использования III к существительному без зависимых компонентов в атрибутивной позиции;

б) из регулярной деривации данной категории, обеспечивающей ее обязательность.

Применимость предложенного Н.С.Трубецким истолкования III к современным языкам подтвердили для словацкого языка А.В.Исаченко, для чешского языка А.Сечковский, для серболужицкого языка Р.Дёч и другие слависты. Аргументацию Н.С.Трубецкого эти ученые усилили рассмотрением разнообразных проявлений примыкания III к субстантивному словоизменению. Эти интегральные черты с учетом отличий между языками овел воедино Р.Дёч, фиксируя в первую очередь два наиболее значимых момента:

в категориальном содержании III транспозицию обоих грамматических значений, внутренне присущих существительному, а именно падежа (Р) и числа (единственного);

в формальной плоскости рефлексацию родовых различий базовой лексики в структуре III, регулярную в чешском, словацком и серболужицком языках, где родом существительных обуславливается выбор суффикса III - "мужского" -ov- или "женского" -in- (в других языках данный фактор влияет на дистрибуцию суффиксов III постольку, поскольку он оказывает влияние на именное склонение).

В связи с характерной для исследуемых адъективных дериватов ориентацией на грамматические категории базовой лексики, на фоне факта однозначного семантического соответствия III субстантивному Р ед., представлялось продолжателем идеи Н.С.Трубецкого наличие у III и сочетаемость с относимыми к существительному зависимыми компонентами в словацком и серболужицком языках. Конструкции типа сллц. pána učitelstva palica, starého otcov dom, серболуж. wuja Nawštynowe wino, mlčodoh mužowe sotru ими трактовались как архаическое явление - прямое наследие древней сочетаемости III.

Против точки зрения Н.С.Трубецкого высказался П.А.Дмитриев, обнаруживая у ПП частеречное значение признака предмета, проявляющееся в общем с прилагательными словоизменением и синтаксически. При интерпретации частеречного положения ПП продолжали принимать за основание адъективное склонение и согласуемость данных единиц также весьма многие лингвисты, акцентировавшие у ПП в противовес адъективным признакам функциональную соотносительность с базовой лексемой, но трактовавшие ее традиционно - в таком же ключе, как для ОП.

Формальную и функционально-семантическую стороны поведения ПП и ОП в современном чешском языке пытался отграничить друг от друга Ф.Копечный. Он игнорировал отличия семантики чешских ПП и ОП и на основании ее общего сходства с падежной считал, что эти категории адъективных дериватов в функциональном аспекте составляют элементы субстантивного словоизменения.

При полярности подходов и решений работы славистов, считавших ПП семантически целиком аналогичными ОП, роднит недооценка разной глубины проникновения значения предметности и его отличного сочетания с адъективностью у ПП и ОП.

Транспозиция обоих грамматических значений существительного, падежного и числового, осуществляющаяся у ПП, показывает, что на эти образования переносится частеречное значение базовой лексики. Формальная адъективность категории ПП, напротив, в содержании ее отражается лишь ограниченно, формируя предпосылки для проявления у данных единиц порой и относительно-качественной семантики; ср. рус.: тумбы-немцы равнодушно улыбаются в свои стриженные немцевы усы (Булгаков, 1966, 210).

Принципиально грамматическое представление значения предметности позволяет оценивать ПП как "ассоциированные" с парадигмой базовой лексики варианты Р ед.

У ОП меж тем категориально-частеречным является адъективное значение. Его комбинирование с лексической предметной семантикой производящих существительных обуславливает только функциональную близость ОП к субстантивному Р и ряду других падежей, выражающих определение. Само содержание ОП "внепадежно", т.е. не сводится к значению одного падежа, а вбирает в себя обширный набор значений разных применимых падежей, включая предложно-падежные сочетания. Сдновременно у ОП отсутствует числовое значение базовой лексики.

Квалифицирующий, относительно-качественный компонент семантики ОП нейтрализуется только в пределах предметно актуализующих контекстов, в которых ОП обретают по существу падежные значения, а также заданное контекстом значение числа. На современном этапе встречаемость ОП в актуализующих контекстах ограничивают определенные запреты - в разных языках разные для отдельных типов ОП. Суммарно такая валентность максимально полно развита у русских ОП, причем прежде всего у ОП_о и лишь в меньшей степени у ОП_{н/о}, ср. сочтения соседские дети "соседей/соседа/соседки", библиотечная книга "из библиотеки" и т.п.

В древности обозначение предметных отношений при помощи ОП было гораздо более широким и свободным в любом славянском языке. Регулярное дублирование ими атрибутивных падежей в актуализующих контекстах повышало грамматичность такой транспозиции существительных, обуславливая ее исключительно диктатом синтаксической позиции. У субкатегории ОП_о на ее возрастание помимо того влияло закрепление за ОП_о в оплывающих к ПП числового значения множества (при вторичной синонимии ОП_о с ПП).

На критерии синтаксической эквивалентности в первую очередь со стороны "подчиняющей способности" при обосновании возможности объединения ПП со словоизменением базовой леммы в применении к древнейшей и современной стадиям языковой эволюции сосредоточили основное внимание Я.Петр и И.И.Ревзин. В неравномерном по языкам объеме проявления синтаксических признаков базовой леммы у ПП И.И.Ревзин видел отчетливый показатель связи ПП с ее словоизменительной системой, рассчитывая и "растояние" от таковой до ПП, которое он выражал соотношением числа отличающихся валентностей с озокупным числом во всяком случае самых существенных валентностей существительных.

Примарность синтаксических критериев при толковании ПП как категории парадигмы базовой леммы в синхронном и в диахронном аспекте вызывает сомнения. Формы слова, полностью эквивалентные по синтаксическим свойствам, корпус которых обозначается впрямь термином "синтаксическая парадигма", безусловно, не исчерпывают словоизменительной системы: на периферии ее имеются единицы, не полноправные в отношении синтаксического поведения. Регистрация же пересечения каких-либо образований со своей базовой леммой по отдельным синтаксическим свойствам сама по себе явно не дает

гарантии локализации таковых в области синтаксической парадигмы или же вблизи ее.

Так, при описании на базе синтаксического теста И.И.Резвина в русском языке по существу на одном уровне с ПП окажутся и ОП₀, ибо они обнаруживают способность к соотношению с местоимениями - заместителями своей базовой леммы: даже если выражат значение наиболее широкого отношения, имеющее качественный оттенок; напр.: вот рассуждения, почти пушкинские по времени, одного его ученого друга ("Юность", 1987, № 4, 38). Меж тем эта прономинализация не зависит от грамматического представления значения предметности у соотносящихся с местоимениями элементов, а мотивируется в случае с ДСП предметной лексической семантикой производящей основы.

В связи с теоретически возможной асимметрией семантического и синтаксического поведения у переходных образований оказывается необходимым конкретизировать системные основания доступности как для ПП, так и для ОП(о) в древних языках целого набора внутренне присущих существительному синтаксических валентностей. Очередные главы работы посвящены решению данной задачи.

Во второй главе анализируются конструкции ПП с приложениями в древнечешском языке.

Распространение ПП приложениями (аппозитивными компонентами) представляется для раннего этапа развития славянского синтаксиса обусловленным слабыми связями существительных, создающих аппозитивные сочетания. В структуре древнейшего предложения приложения были синтаксически совершенно однородны с поясняемым в смысловом отношении компонентом. Этот фактор в атрибутивно зависимом сочетании предопределял возможность преобразования в ПП одновременно обоих существительных, осуществляемого изначально с значительной частотностью в сочетаниях из двух одиночных компонентов, а порой также при последующем осложнении определяющего или определяемого компонента. Ср. др.-чеш. типы po králově smrti Přemyslově - Dal 154 и a Petrem Zachyřovým synem, bulkrabíným synem ze Zvíckova - FortKošmb 9 /1397/. Однородное подчинение двух таких ПП подтверждает отмечающееся в приведенных древнейших сочетаемых типах разобщенное размещение данных адъективных членов: окружение ими общего для обоих главного имени либо даже повторение последнего при каждом ПП. В дальнейшем в условиях усиления цельности таких сочетаний получило наибольшее развитие контактное размещение ПП,

ср. др.-чеш. типы o královu Václavovu boji s synem - Dal 142 или podlé příkázanie Ottova markrabie moravského - PulkR 83b.

С древних времен, однако, схема ПП + ПП обыкновенно не соблюдалась для многочленных сочетаний с добавочно осложненными аппозитивными компонентами. В конструкциях с ПП, образованных от определяемого имени, приложения здесь чаще всего принимали форму Р ед., ср. др.-чеш. тип za dnův Brodových, krále židovského - BibliDrážč I 1, 5.

В сфере же не осложненных атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний продуктивность схемы ПП + ПП ограничивала невозможность образования ПП у тех или иных имен. Инертные в плане производстве прилагательных имена в конструкции с ПП вынужденно получали форму Р ед. Она предпочиталась с самого начала и применявшимся в других случаях взамен отсутствующих однозначных ПП полисемантическим ДСП; ср. др.-чеш. устаревшее употребление knězi Vlastislavovi rodiči - DalC 43 и нейтральный тип na kněze Vlastislavovu čeled - Dal 46.

Из конструкций с подобным составом схема Р + ПП либо ПП + Р со временем также проникла и в другие, первоначально стремившиеся по схеме ПП + ПП; ср. др.-чеш. типы rodu krále Davidova - LeaMar 51 (основной) и králeva Heroda ženina - Hrad 51a (побочный). Это, видимо, мотивировало в первую очередь стремление выровнять форму всех атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний по одной общей, типовой модели. В обширном круге сочетаний описанной схеме помимо того могло быть отдано предпочтение перед древнейшей во избежание скопления внутри данного фрагмента предложения нескольких имеющих одинаковые форманты производных. Там, где форманты ПП отличались, рефлексы старого состояния продолжали проявляться и в дальнейшем; ср. др.-чеш. тип páně Vilémův pramen - Dal 180 (сохраняющийся до современного этапа).

Но стандартизация построения атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний по схеме Р + ПП либо ПП + Р, устраняющая скопления одинаково устроенных ПП, оказалась возможной лишь после того, как компоненты аппозитивных комплексов лишились исконной автономности, ибо она при отсутствии побочных препятствий предполагала последовательную адъективацию существительных, выражавших самостоятельные определения, соотносенные семантически. Форма Р ед. у подавляющего большинства наименований лиц на том историческом этапе не могла бы самостоятельно использоваться в атрибутивной позиции. В структуре

конструкций с ПП она, несомненно, стала показателем синтаксической связанности имени, его вхождения в высказывание в сочетании с ПП. Характерно, что форму Р ед. получали в основном менее значимые в предметном плане предложения имена, такие, которые дополнительно отождествляли денотат ПП. Это употребление утверждалось с учетом возникающей синтаксической зависимости между входящими в аппозитивные сочетания компонентами.

Конструкции данного типа отразили особым образом переходный этап эволюции плана выражения атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний от однородности к подчинению (с объединением членов на основе огласования). Одновременно, однако, они тяготели к большей синтаксической эксплицитности, гипотактичности, что подтверждают повторяющиеся случаи ошибочного придания такой связи более явных признаков согласования. Это аттракция аппозитивных компонентов, согласующихся одинаково с ПП (др.-чеш. тип po rane Vitkovu oři - Dal 165), и напротив, согласование ПП с аппозитивными компонентами в Р ед. (др.-чеш. тип o krále Agamenova ssazeni - Troj 189).

Конструкции со схемой Р + ПП или ПП + Р вопреки конкуренции с субстантивно-субстантивными, следующими схеме Р + Р, в древних языках имели весьма прочные позиции. Эти конструкции сохраняются во многих языках вплоть до современной эпохи.

Регулярная сочетаемость с аппозитивными компонентами в Р ед. свойственна ПП в двух языковых областях: в серболужицкой, верхней и нижнелужицкой, и в словацкой, в основном в диалектах (в литературном языке она здесь отражается лишь ограниченно). На периферии системы это употребление ПП удерживается и в других языках.

Стимулировали стабильность такой синтагматики ПП два диаметральных фактора, проявившиеся в сочетаниях с приложениями обособленного и необособленного типа.

Распространение ПП обособленными аппозитивными компонентами, видимо, поддерживала переходность данных определителей к вводным элементам контекста. Ср. рус. конструкцию с подстановкой независимого, чисто вводного имени в Р ед. после ПП: сестрины, свояченицы дети. (Грибоедов).

Конструкции необособленных аппозитивных компонентов в Р ед. с выступающим постпозитивно ПП, напротив, оставались возможными за счет того, что они структурно близки сложным словам; ср. рус.

тип про "тетикатину деревню" ("Огонек", 1988, № 16, 12). Первая часть подобных монологичных сложений может терять окончания 2 ед. (т.е. "застывать" в И ед.); ср. серболуж. řagar Běřachowe wěřu, сербохорв. краљ - Милутинова улица. В болгарской и в македонской области данное явление естественно обуславливает неизменяемость существительных по падежам; ср. болг. бай Ганювото пиво, макед. до пон-Силмановата куќа.

В третьей главе проведено исследование возможностей сочетаемости с ПП и с ОП(о) в древнечешском языке определений несогласованного и согласованного (адъективного) типов. Ее предпосылкой также представляется значительная автономность таких компонентов относительно ДСП.

Структурно свободные сочетания с ПП и иногда с ОП(о) образовывали несогласованные определения. Первоначально такие определения, при более или менее однозначном семантическом соотношении с ДСП, скорее усложняли предметный план предложения в целом. Ср. др.-чеш. типы сочетаний с ПП vřaks liřicův syn z českého Brna - MastDrk 32 (активный), řád korunování krále a králově českého království - RádKor 106 (малочастотный) и единичные сочетания с ОП(о) sněm ... paněk z Cech i z Moravy - LetPal 21 и sněm kněžský království českého pod oboji zpřisobů rozdávajících - Let 58.

Секундарно, т.е. как дополнительные, обособляющиеся компоненты, соответственно последовательно постпозитивные, к ПП и ОП(о) присоединялись прилагательные и другие синтаксически адъективные слова, специфически согласовывавшиеся с образованным от определяемого имени ДСП, выступая в Р ед. или Р мн. Ср. др.-чеш. типы: na králově Václavově českého dědině - Dub 139; oč/e/ krye Abaelovy spravedlivého - EvOl, BiblKoř Mt 23, 35; a ruky arcibiskupovy při slůžicích - RádKor 106; tělo dítětie kypře narozeného - Comest 10b; milost bratrská na hoře ... přebývajících - Otc 81a.

Реализующийся в данных сочетаниях механизм подчинения членов может быть понят как имплицитно-семантический. Форма адъективного компонента, его падеж и число, диктовалась здесь семантикой ДСП - ПП либо ОП(о) (во втором случае в соединении с семантикой контекста, от которого зависело числовое значение ОП(о)). На ее выбор в единственном числе влияло также соотношение с родом базовой леммы ПП.

Иллюстрировать такой механизм связи при добавочном усложнении адъективными компонентами ДСП, требующем "восстановления" присущих

существительному признаков, призванных обеспечивать согласование, позволят соотносительные сочетания, где инкорпорация адъективных компонентов опосредствована эксплицитным воспроизведением базовой лексики ДСП. Ср. др.-чеш. sleč na cestě na písku ještěřový velmi veliký... / ještěřový, veliký ještěř... - Оте В/Д 56.

Характерное отражение стремления такой связи к эксплицитности представляют собой часто проявляющиеся в сочетаниях с ПП аномалии: аттракция адъективных компонентов и согласование ПП с адъективными компонентами в Р ед. (др.-чеш. типы v uotruščením s Píátovým zlým nekřáčením - Град 45а и o oratoce Milevského lidí - ListářRožmb I, 31 /1420/).

В процессе постепенного возобладания принципа синтаксической эксплицитности в строе предложения происходило исчезновение такой сочетаемости ПП и ОПо. В первую очередь устранялись из употребления и ранее весьма редкие сочетания с ОПо, терявшими способность выразить отношения к единичным индивидам и к совокупностям таких индивидов. Формы ПП, оставаясь семантически эквивалентными Р ед., выступали в данных единствах несколько дольше.

По мере исчезновения описанной сочетаемости у ОПо она, несомненно, должна была начать оцениваться как особенность синтактики ПП, которая естественным образом отвечала чисто падежной семантике ПП. Этот фактор вопреки действию глобальной тенденции к устранению так устроенных сочетаний с ДСП, очевидно, в ряде славянских языков вызвал дальнейший рост возможностей сочетаемости ПП с адъективными компонентами в Р ед. В структуре таких сочетаний наметился сдвиг: прилагательные стали способны также предшествовать ПП. Конструкции данного типа с нейтральным порядком слов лишь изредка представлены в древнеязыковых памятниках, но тем не менее они важны как зачаток нового явления в синтаксисе ПП; ср. др.-чеш. тип ot prvního králova syna - Дал 94 "о сыне первого короля".

Расширение возможностей сочетаемости адъективных компонентов с ПП в славянских языках оставалось большей частью только частной тенденцией. Анализируемые конструкции оказались позже почти везде вытеснены синтаксически абсолютно эксплицитными, с присоединением прилагательных к существительному в Р ед. В центральных словацких и серболужицких диалектах названная тенденция, однако, привела со временем к относительно последовательной сочетаемости ПП с адъективными компонентами, которые главным образом помещаются перед ПП.

Регулярна она для ПП и в литературных верхне- и нижнедушицком языках; в литературном же словацком языке такие сочетания периферийны и маркированы стилистически (находятся на положении диалектизмов). Ср. слц. диал. по jednej v toho panovix cérou, od našej materinej sestri céra, druhej sestrine deti; серболуж. našeho hólcowa stwižka, Kuchy/šakého tkalcowa džowka, pbez Marineje mažernu smjerć.

Эти конструкции не связаны преемственностью с древнеязыковой сочетаемостью ДСП, а явились поздней локальной инновацией. Вопрос о корнях данной инновации должен решаться в контексте тенденции к развитию аналитизма, предполагающей ослабление противопоставления словосочетания и слова. В конструкциях сложившегося типа форму ПП получает как бы все сочетание с начальным адъективным компонентом, флективность которого фактически становится здесь избыточной. Это подтверждается возможностью согласования адъективных компонентов, подобно ПП, с определяемыми так образованным сочетанием существительными, осуществляющейся в вышеназванных диалектах; ср., напр., слц. moja mažova mat', серболуж. na mojim panowum dwóri.

При обозначенном типологическом истолковании истоков данного явления кажется естественной сочетаемость адъективных компонентов с ПП в болгарских и македонских диалектах (объем ее здесь, однако, неясен). Ср. болг. на Хитър Петровата шия; макед. орачите на св, /-свети/ Наумовиот манастир и т.п.

Регулярность для ПП конструкций с адъективными компонентами в центральных словацких, серболужицких и, возможно, болгарских и македонских диалектах есть знак того, что ПП квалифицируются там как категория синтаксической парадигмы базовой лемемы. В других славянских языках достижения соответствия синтаксической сочетаемости и семантики ПП сдерживала сохраняемая ими адъективность. Характерно, однако, что для потерявших былой адъективный облик, "застывших" ПП на -ovo-/-ino- в юго-западных диалектах чешского языка обоснованная семантикой сочетаемость стала возможна; ср., напр.: так vo tich mejch chlapcех toho řinovo.

В заключении подводятся общие итоги исследования особенностей ДСП.

I. В диссертации произведена попытка применения к славянским ПП и ОП теории Е.Куриловича о смещении в сфере словообразования категорий лексической и синтаксической деривации с интерференцией у определенных образований обеих ее типов.

В тесни Э.Куриловича для категорий синтаксической деривации постулировано местонахождение на стыке со словоизменением базовой лексемы, могущее повлечь и слияние с таковым (в случае отсутствия последующей лексикализации). При проекции этого принципа описания на ДСП дано подтверждение выдвинутого Н.С.Трубецким и развитого в работах других исследователей предположения о принадлежности ПП к субстантивному словоизменению. Эта интерпретация в первую очередь диктуется транспозицией грамматической семантики существительного, падежной и слововой, осуществляющейся у ПП. У субкатегории ОП между функциональную соотносительность с существительными заслоняет обуславливаемая адъективностью лексикализация, нейтрализующаяся в специальных контекстах. Исторически эта нейтрализация наступала в обширном диапазоне контактов, существенно сузившемся к настоящей эпохе.

В диахронном аспекте состояние системы ДСП, прослеживаемое в древнечешском языке XIV - XV вв., обнаруживает чрезвычайно ранний и резкий сравнительно с темпами всеобщей эволюции отрыв ПП от ОП. С кристаллизацией грамматического содержания стандартизировалось строение плана выражения субкатегории ПП - конкретно имело место ее ограничение образованиями двух подвергшихся обобщению типов с парой специфичных именно для данной функции суффиксов, -ov-/-in-, дистрибуция которых переняла в процессе развития родовой принцип, исторически ставший фундаментальным и в субстантивной деklinации. Структура субкатегории ПП в древнечешском языке тем самым приближалась к существу и парадигматичности морфологического характера при ее неравномерном росте у разных групп лексически одушевленных существительных в период XIV - XV вв.

2. Асимметричный параллелизм категории ДСП существительному в диссертации освещен в первую очередь со стороны синтаксиса ДСП.

Распространение свойственной существительному сочтаскости у ПП и в меньшей степени ОП(о) в древних языках предстает явлением, определяемым семантической связью данных адъективных образований с базовой лексемой, но еще не свидетельством их отождествления с последней по свойствам синтаксиса. Эта историческая сочтаскость базировалась на автономии элементов, объединявшихся с ПП или ОП(о), конкретно приложений и определений несогласованного либо согласованного адъективного типа. На материале сочетаний всех названных типов с ПП и ОП(о) эта черта прослеживается в древнечешском языке.

Все анализированные конструкции с ПП и с ОП₀ обнаруживают по существу общий способ связи определяющего и определяемого членов, именно семантически-имплицитный.

В строе древнейшего предложения такая потенциальная семантическая имплицитность связи предполагала возможность представления добавочно определяемого слова вообще любым образованием, заданным его контекстом. Конструкции с ДСП были здесь лишь наиболее частым явлением, но никак не исключительным в общеславянском масштабе: в древнерусском языке аналогично могли приобретать сочетаемость базовой лексемы патронимы на -ичь/-ьна (ср. типы Мьстиславъ ... Романовичъ Смысленского и Володимеръ Руриковичъ Ростиславича - ПЛДР Б, 152).

При интегральном диахронном исследовании сочетаемости ДСП в ряду смежных явлений в работе найдла развитие в отношении именных сочетаний выдвинутая в связи с изучением свойств личного глагола идея Б.Гавранека о общей автономии смысла в древнейшем славянском предложении.

3. В процессе абсолютизации принципа эксплицитности в структуре предложения происходило исчезновение подобной сочетаемости в первую очередь у ОП(о) и несколько медленнее у ПП. Одновременно у ПП семантическая идентичность существительному в Р ед. вызвала в ряде языков рост возможностей сочетаемости в особенности с адъективными компонентами с установкой на всеобъемлющее ее уподобление "подчиняющей способности" базовой лексемы.

Регулярной для синтаксиса ПП эта новая сочетаемость окончательно стала в центральных словацких, серболужицких и, возможно, болгарско-македонских диалектах.

Результаты диссертации отражены в нижеприведенных публикациях автора:

1. Скорвид С.С. О синтаксических свойствах притяжательных прилагательных в древнечешском языке. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1981, № 4, с. 43-50 (0,6 п.л.).

2. Скорвид С.С. Проблема аттракции и становление связей в именных сочетаниях (на материале древнечешского языка XIV - XV вв.) // Исследования по славянскому языкознанию. М., МГУ, 1984, с. 133-146 (0,9 п.л.).

В. Скорвид С.С. Специфіка синтаксичного функціонування присвійних прикметників у верхньолужицькій мові (в загальнослов'янському контексті) // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1988, № 37, с. 97-99 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 21.03.90 г.

Формат 60x84/16

Печать плоская

Тираж 100 экз.

Бумага писчая

Усл. п.л. 1.

Заказ № 206

Ротапринт "НИИМалмаз"

